

ВРЕМЯ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ: БОЛЬ И СКУКА

Г. Р. Хайдарова*

Адаптация к новой информационно-технологической среде

Телесный образ современника формируется и задается масс-медиа, вытесняющими признаки боли, болезни, старости тела. В массмедиальных образах тела очевидны стратегии «строительства» современного тела, его медиазависимость и заданность взглядом Другого. Этому опять же способствуют прежде всего новые информационные технологии: мы все больше обрастаем сложными технологическими комплексами, имеющими тенденцию к саморегулированию. Новые технологии XX в., в отличие от всех до сих пор известных человечеству, универсальны: будучи порождены одним сообществом, они сразу же готовы к употреблению другим и в другом месте. Та же ситуация и с методами, предлагаемыми западной медициной и фармацевтикой. Современные химические лекарственные препараты универсальны и активно распространяются во всем мире. Однако, открывающий новое опыт всегда давался усилием, ошибкой, раной, жертвой, пропускался *сквозь* собственную экзистенцию. Технокультура и информационная насыщенность аккумулируются дисконтактной жертвой — жертвой временем жизни. Они транслируются, инсталлируются, но не впитываются. Человек сетевой может «скачать» модель другой культуры мышления, но самый ближайший опыт — опыт овладения своим телом, опыт преодоления боли, — остается для него неведом. Овладение телом и адаптация к боли требует непосредственных усилий. Современник информационного мира все более отвыкает от самостоятельного и самодостаточного развития; как говорит в интервью гуру компьютерного мира Руслан Рубанский: «Технология в своем развитии постоянно обнов-

Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 08-03-00559 а.

*Хайдарова Гульнара Равиловна к. филос. н., доцент кафедры философии и социологии С.-Петербургского государственного университета физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

ляется, и ты, будучи вовлеченным в этот процесс, *автоматически, инертно* тоже меняешься». Информационно-техническая среда отличается иной связностью: «В результате революционных перемен в энергетике на место энергетического симбиоза и символической согласованности человека с вещами приходит связность технологии и связность строя производства». ¹ «Отчужденному» человеку технического и информационного общества остается одно — встроить себя в эту сложную структуру и соответствовать. А это означает, что такой тип поведения не будет нарушать эффективность производственного процесса. Когда ведущей установкой становится требование адекватности системе, лишними оказываются и способность адаптации, интуитивного понимания и установления согласия.

С технологизацией тела происходит забвение его способности терпеть боль, бороться с болезнью, спокойно принимать свой возраст и данное тело. Потерявший способность чувствовать и переживать собственную боль не чувствует боли другого, ибо боль, как *сообщение*, связывает общество: передается ближнему, предостерегает, вызывает к сочувствию, к действию. Женщина, судьба которой от века была «рожать в муках», сегодня избавлена от этой участи анестезией. Это не может не иметь последствий. Ибо тело, искусственно убереженное от боли, мстит как страхом боли, так и бесчувствием к ней. Если на пределе боли человек лишается рассудка, то что происходит с «рассудком» абсолютно обезболенного тела? Принимая анестезию, мы отказываем естественным механизмам, теряем природное чувство и чутье, прерываем естественную коммуникацию между психикой и телом, нарушаем саморегуляцию организма, расширяя пропасть между субъектом и натурой.

Оппозиция боль/удовольствие в западном мировосприятии ведет к воинственности по отношению к боли: ее необходимо преодолевать, побеждать, уничтожать. На другом полюсе появляется неограниченное стремление к потреблению и наслаждению: наиболее эффективное удовлетворение и с наименьшими затруднениями. Мы сегодня можем это наблюдать в гипертрофированном виде в наиболее развитых странах, в которых привычка к потреблению и удовольствию приводит к деградации индивида, к крайней форме эгоизма и пренебрежению ко всему живому на планете, но еще более заметно в

¹Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 41.

нашем обществе развивающегося капитализма, в котором стало нормой ставить машину на газон. Само-вольность европейского субъекта тяготеет к самоценности, насилие в порождении смысла ведет к подавлению потенциальности и возможности другого мнения. Ограниченность выражается в разделении мира, в том числе на удовольствие и боль. Правда, современник хочет утверждения одного, — удовольствия. Не отдавая взамен, не уравновешивая вред, наносимый природе, человек заходит в тупик. Сегодня уже следовало бы бороться не с болью, а с избытком комфорта и естественностью удовольствия и радостей жизни. Торжество «жизни без проблем», без боли уже удивляет; такое отношение к жизни становится не только эффективной рекламой, но и реальностью. Не в страхе божьем, как было прежде, не в бесправии или насилии со стороны сильного, но в ставшем привычным комфорте возрастает потребность в непрерывном нарастании удовольствия. Не то, чтобы следует вернуть все назад, в первобытное состояние, но механизм напоминания должен где-то обращать самоуверенного индивида. В том числе, чтобы избавить его от страха темноты, пустоты, бездны. Обезболивание, применяемое в современном мире, — это лишение боли ее действенного, в том числе и мотивационного потенциала.

Из-за страха перед болью, от привычки полагаться на фармакологическое решение психо-физиологических состояний (в первую очередь, фармацевтические способы устранения боли) западный человек закрыт для боли и непосредственности истины, которую она сообщает. Важно заметить то, что к привычным фармацевтическим средствам «победы» над болью, сегодня добавляется киберпространство и медиареальность, которые помогают быстро «отключиться» от непосредственной реальности, от переживания состояний души и тела, и, наконец, от боли. Граница между вещной, подручной, с одной стороны, и медиальной реальностью — с другой, размывается, вплоть до утверждений о независимости и самодостаточности медиареальности и доминировании медиаобраза (см. статью К. Вульфа). Это дает возможность снять остроту болевых ощущений и ведет к забыванию традиционных способов преодоления страданий (больше не нужны не только священники и религиозная аскеза, но и психоаналитики. Можно «забыть», «перезагрузиться» и начать жизнь с любого момента).

С появлением «моды на тело»² (здоровое, спортивное), которая задается медиа, боль переходит в разряд развлечений или остается в нижних слоях общества. Вопрос о том, что такое боль и с какими реалиями — физиологическими, социальными, культурными — она связана, становится актуальным в момент исчезновения этого феномена. Сегодня спрашивать у врача, что такое боль, — бесполезно, он ее видит, но не понимает. Он не знает что такое боль, но знает разнообразные средства против боли. («Тело не подлежит обратному превращению в живую плоть. Оно остается трупом, сколько бы ни закаляли и ни оздоравливали его. Трансформация в мертвое была частью непрекращающегося процесса, превратившего природу в вещество и материю», — продолжают тему Э. Юнгера М. Хоркхаймер и Т. Адорно.³) О росте бесчувственности в обществе пишет историк медицины из Швейцарии Эстер Фишер-Хомбергер: «Древние описывали боль как *solutio continuitatis*, связывая ее с нарушением единства, с болезненным разъединением. Обезболивание — не было главной задачей древней медицины. Анестезия была связана со смертью; конечно, избавиться от боли могла смерть, но нечувствительность лепрозной кожи („лепра“ от *греч.* *λεπις* — панцирь, чешуя) была хорошо известна и отмирание конечностей, с ней связанное, служило предупреждением против желания безболезненности. Со-

²Как пишет ведущий немецкий специалист по философии спорта Гюнтер Гебауэр, «сегодня мода уже не *на теле*, а само тело стало модой. Как предмет моды тело даже важнее чем весь шик, наносимый поверх тела. Ядро актуальной моды — спортивность тела... Тело предьявляет и открывает весь образ жизни персоны: точно просчитанное питание, тренировки, нацеленные на определенные сегменты тела, здоровое сознание, чистоплотность, аромат кожи. Уже само нагое тело позволяет оценить социальное положение человека. Спортивность, сознание здорового образа жизни и аскетические установки становятся ценностями; *одновременно* они являются телесным проявлением и жизненной позицией. Тело вместе с этим процессом воплощения ценностей (которые прежде считались внутренними) становится бастионом. Его задача защищать тело от болезней, старости, потери привлекательности, беспомощности. Кожа, мускулы, волосы делают фит (то есть готовыми) для обороны от того, что угрожает личности. Твердость этого панциря защищает также от социально нежелательного, замыкает человека от всего, чем он *не* хочет быть, к чему он *не* хочет принадлежать — ожирение, утомленность, тварность, а также от знаков другого социального класса, к которому человек себя не причисляет».

³Хоркхаймер М. Адорно Т. В. Дialeктика просвещения. Философские фрагменты. Москва–Санкт-Петербург: «Медиум», «Ювента», 1997. С. 284.

временная медицина напротив задается проблемой устранения боли, за этой постановкой проблемы можно увидеть желание дистанцироваться от страданий. Концептуальный продукт анатомии (от греч. „ανά-τέμνω“ — разрезать, вскрывать) — состоящее из отдельных органов, фрагментированное и вновь собранное тело». ⁴

Непрекращающаяся до наших дней борьба с болезнями и болью, приводит к парадоксальным выводам: количество больных и болящих не только не стало меньше, но и возрастает. Причина не только в росте продолжительности жизни, в ускорении темпов жизни и ухудшении экологической обстановки, но и в неспособности переносить боль. Последняя влечет появление (в благополучных европейских странах) психо-соматических расстройств: по подсчетам социологов почти 1,6 миллионов немцев страдают от загадочной боли по всему телу. Иначе врачи называют это явление фибромиалгией, ⁵ констатируя зачастую бессилие как в методах лечения, так и в симптоматике, так как никаких химических или физических показателей этой боли нет, о ней свидетельствует только сам пациент. Психический или органический характер имеет это явление? В качестве объяснения могло бы подойти воспоминание о первой мировой войне Эрнста Юнгера: «Трудно описать то чувство, когда находишься вне укрытия; в современной войне становится жутко, если оказываешься не в танке и не в окопе. В каждой точке тела ощущаешь боль, потому что знаешь, что пуля может попасть в любую точку. Конечно, эта боль есть только в представлении, но от этого она не становится менее неприятна; это предостерегает и угрожает чувство самосохранения». ⁶ Современный цивилизованный человек, гарантированный страховкой, ощущает, видимо, подобную уязвимость и страх быть настигнутым разными немощами. Болезни зачастую ведут к одиночеству. О крайней форме изолированности сообщают больные раком. В болезни есть страх отличаться от других, от нормы, выпасть из социума, из общения. Специалисты, занимающиеся психосоматическими болями (в частности, фибромиалгией) утверждают, что причина

⁴Fischer-Homberger E. Die Haut retten // Die Zeitschrift der Kultur. Du. Heft 4, April 1998. S. 76–77.

⁵fibra (лат.) — жила, mus — мускулы, algos — боль.

⁶Jünger E. Das Wäldchen 125 // Ernst Jünger und Politik // Ernst Jünger. Politische Publizistik. 1919 bis 1933. Herausgegeben, kommentiert und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggoetz. Stuttgart: Klett-Gottat-Cotta. 2001. S. 147.

этих болей — стресс, вызванный как чрезмерным для человеческого организма темпом жизни, так и избыточным информационным потоком.

Противостоянием химико-фармацевтическому обезболиванию является традиционная культура боли. На это, в частности, указывает Дэвид Моррис, американский исследователь боли, настаивая на том, что необходимо возрождать культуру переживания боли. Он убежден, что «культура развивалась благодаря ранимости, а не из-за неуязвимости, которая со времен Ахиллеса принадлежит к фантазмам мировой истории. Культурная сущность „человек“ может вполне успешно жить с различными дефектами, мы только должны уважать несовершенство».⁷

Боль и скука

Губитель жизни, Скука...

Василий Жуковский

«Удовольствие и боль — не противоположности», возражая всей европейской традиции в лице Канта,⁸ утверждает Ницше.⁹ Петер Слотердайк считает, что Ницше сегодня актуален своим «дионисийским оправданием жизни в смысле *альгодицей*».¹⁰ Петербургский философ Валерий Савчук выдвигает тезис о необходимости боли. Согласно его позиции, общество обезболенных, стерильное и анестезированное общество индивидов, утративших масштабы боли,

⁷David B. Morris. Krankheit und Kultur. Plädoyer für ein neues Körperverständnis. Verlag Antje Kunstmann, München, 2000. S. 44.

⁸«Они (удовольствие и страдание) противопоставлены друг другу не как приобретение и отсутствие (+ и 0), а как приобретение и потеря (+ и –), то есть не только как *противоречие*, но и как *противоположность*» (И. Кант. Антропология с прагматической точки зрения. Соч. в 6-то томах, том 6. М., 1966. С. 472.)

⁹Nietzsche. KSA 12.Nachgelassene Fragmente 1885–1887. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988. 2(76).

¹⁰«Альгодицей называется смыслополагающая метафизическая интерпретация боли. В современную эпоху она занимает место теодицеи как ее обращение. В теодицее вопрос стоял так: как зло, боль, страдание и несправедливость согласовать с бытием божьим? Теперь же вопрос звучит иначе: если не существует ни Бога, ни высшего смысла, то почему мы все еще выносим боль?» (Слотердайк П. Мыслитель на сцене. Материализм Ницше // Ф. Ницше. Рождение трагедии. М., Ad Marginem. 2001. С. 685).

ищет способы выхода к телу, к реальным ощущениям. Авангардом в этом движении к реальности боли выступают художники-акционисты, производящие свои акции по испытанию пределов выносимости боли с риском для жизни.¹¹

Если боль и наслаждение — не противоположности, тогда что является другим полюсом боли? Стало общим местом, что избытие насилия в современном кино — свидетельство недостатка остроты непосредственных переживаний. Кант в «Антропологии» пишет о положительном страдании и негативном: «Страдание — это стимул для нашей деятельности, и, прежде всего в нем мы чувствуем нашу жизнь; без него наступило бы состояние безжизненности. . . . Кого же, наконец, не может побудить к деятельности никакое положительное страдание, на того негативное [страдание], [т. е.] *скука* как *отсутствие* ощущений, которое человек, привыкший к их смене, замечает в себе, стремясь чем-нибудь занять свой жизненный импульс, часто оказывает такое действие, что он чувствует себя побужденным лучше сделать что-нибудь себе во вред, чем ничего не делать».¹² Подтверждение тому факту, что такие феномены, как боль и скука, связаны, можно найти в ощущении времени: боль концентрирует время, а скука его убивает. В немецком языке это отличие выражается уже в словах: *langweilig* (скучный, букв. длинный по времени) и *kurzweilig* (1) занимательный, развлекательный; букв. короткий по времени; 2) веселый человек, дорога, с которым покажется короткой, этот пример приводит в «Антропологии» Кант). Он же пишет о пользе званых обедов, в которых философ нуждается больше, чем кто-либо, ведь за обедом он может обсудить свои мысли с сотрапезниками и получить от них повод к дальнейшему размышлению. И напротив, отшельников Кант считает бесполезными *для общества* людьми, ведь общество — это общительность, коммуникация, в которой люди переживают время незаметно.

Интересно сопоставление художников прошлого, рисовавших при свете свечи, а значит окруженных многонаселенным миром теней, с современными художниками, работающими в «неоновом» освеще-

¹¹Савчук В. В. Боль авангарда // Литературный авангард в политической истории XX века. Тезисы I международной научно-практической конференции 24–28 мая 1999. Санкт-Петербург. 1999. С. 8–11.

¹²Кант И. Антропология. Там же. С. 475.

нии. На это сопоставление автору указал петербургский живописец Валерий Лукка. Он сравнивает мастеров игры света и тени, Рембрандта, Федотова, создающих трагические полотна, с Фрэнсисом Бэконом, доведшим идею тотальной освещенности предметов до сюрреалистического предела пустоты. Это сопоставление относится не только к визуальному восприятию современного человека, но и к утрате в мире анестезии вместе с оттенками боли всей полноты ее трагики. «Скука в той же мере результат цивилизации, что и обезболивание. Мы научились с помощью информации — радио, телевизора, видео и компьютера — только рассеивать ее, но не преодолеть». Отношение к богу и к миру, свойственные прежним эпохам, та «противостоящая понятию и объективированию интимность, никогда не покорятся нашей воле. Все говорит о том, что примитивные танцоры и барабанщики не знают и не знали скуки, поэтому наша помощь неразвитым племенам может быть названа организацией по распространению скуки»¹³.

Немецкий писатель Герхард Небель, ученик Мартина Хайдеггера и последователь Эрнста Юнгера, искал следы скуки в источниках Античности и Средних веков: отсутствие скуки в прежние времена он объясняет «во-первых, включенностью отдельного человека в сообщество, причем такого рода, что субъектом, принимающим решение, было сообщество, а не индивид, а во-вторых, господством определяющей все традиции, не подлежащей трибуналу разума. С отделением индивидуума от союза, из изолированного *dasein* вынута субстанция, и с тех пор на то место, которое занимала нравственность, как единство запретов, ритуалов, обычаев, вступает ничто»¹⁴.

Боль обозначает полноту присутствия (равно как и благодать, но к одной стремятся, а другой — избегают): заполняет человека без остатка, освобождая от бессмысленности, пустоты, бессвязности существования; скука же связана с отделенностью человека от своей экзистенции, с пустотой, вызванной отсутствием субъективно достаточно сильных впечатлений. Пустота возникает там, где не принято свободное решение, которое человек исполняет со всей решимостью. Феномен скуки состоит не столько в избегании боли, сколько в отсутствии решительности, готовности к действию и присутствию в

¹³Nebel G. Schmerz des Vermissens. Essays. Stuttgart: Klett-Gottat-Cotta. 2000. S. 76.

¹⁴Nebel G. Ibbd. S. 78.

определенной ситуации. Добровольное решение нарушить равновесное (вегетативное) течение вещей требует труда, преодоления боли и сопротивления вещей. Пустота на месте устремления вызывает бесплодную скуку, для которой время не представляет ценности.

Хайдеггер утверждает, что там, где человека берет на себя ответственность, принимает решение, он обрекает себя на труд по его реализации и на страдание. Это довольно очевидный факт повседневной жизни. Но кроме «головной боли», связанной с ответственностью, решимость иначе структурирует время: размечает его, определяет конечные пункты, дисциплинирует. Время становится ограниченным и целеустремленным. Напротив, отсутствие собственного решения и «облегчение» бытия (бегством в общепринятые решения, в *das Man*) вызывают скуку, о которой Хайдеггер много пишет. В § 27 «Бытия и времени», трактуя *Dasein* как необходимо пребывающее в некотором *расположении* духа, в настроенности, Хайдеггер противопоставляет всякой настроенности (воодушевлению или унынию) ненастроенность: «Зависшая, мерная и бесцветная ненастроенность, которую не стоит путать с расстройством, настолько не ничто, что именно в ней *Dasein* становится для самого себя наскучившим, надоевшим».¹⁵

Итак, скука растет в бездеятельности и однообразии времяпрепровождения: «Страшней, чем горе, эта скука» (Д. Мережковский), в соприкосновении с пустотой и бестелесностью. И наоборот, боль, труд, забота, сострадание носят конкретный, ограниченный и ограничивающий характер, они уплотняют время (Эпикур говорит о боли, что она не может быть вечной¹⁶). Преодоление скуки в труде и заботе — это традиционный ответ немецкой традиции, выраженный в «Фаусте» Гете, у Канта в понятии *принуждения* (*Nötigung*) к императиву, у Гегеля в понятии долга, наконец, у Юнгера в «Рабочем». Освоение мира, попечение о нем, требовали предельного внимания, задействуя весь его экзистенциальный опыт для адаптации к нему. Малая чувствительность — равнодушие к жизни — влечет скуку, напротив, насыщенность жизни — результат высокой степени вни-

¹⁵Heidegger M. *Sein und Zeit*. 17. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 134.

¹⁶«Непрерывная боль для плоти недолговременна. В наивысшей степени она длится кратчайшее время; в степени, лишь превышающей телесное наслаждение, — немногие дни; а затажные немощи доставляют плоти больше наслаждения, чем боли» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 438. X, 140.)

мания к миру. Обратившись, например, «к поиску утраченного времени» Марселя Пруста, можно предположить, что время обретается тогда, когда проведено с предельной восприимчивостью и интересом к мельчайшим деталям жизни.

Таким образом, деятельность и боль оказываются связанными. Бытие обезболенное — это, в конечном счете, бездеятельное бытие, так как из него изъята активность переживаний человека. Предоставить телу возможность адаптироваться, а не рассчитывать для него «оптимальные» и полезные формы существования, не ориентировать его на модный образец, транслируемый медиа, — это значит позволить ему свободу собственной активности. В мире, где жизнь тела «входит в качестве ставки» в политические стратегии, где его защищает, а значит контролирует власть, оно теряет способность *самозащиты* (не потому ли у современного человека снижен иммунитет), саморегуляции и адаптации, так как перекрываются каналы его непосредственной активности. Если власть перенимает на себя функцию создания комфорта для тела, заботы о его здоровье (о его полезности) и страхования его от несчастных случаев, то потребность в свободной собственной активности такого тела атрофируется. Ведь, как утверждают психологи, адаптироваться может только здоровый организм, вышедший из состояний дезадаптационных расстройств — невроза, депрессии, усталости, психического и информационного напряжения, — тогда как «больной имеет сниженный резерв адаптации».

Отношением к боли в современной цивилизации определяется тем, что тело человека становится продуктом сначала индустриальных, фармакологических и, в конце концов, медиа-технологий. Результатом развития зрелищной стороны культуры стала потеря полноты восприятия мира, результатом развития фармакологии стало превращение тела в химическую реторту. Отчуждение человека от собственного тела, ориентация на успех, требующий превышения природных пределов, ведут к отсутствию непосредственного индивидуального опыта физической боли и, как следствие, к отсутствию сострадания к боли тела. Цивилизация западного типа, достигнув химико-фармацевтических успехов в преодолении боли, лишает человека ответственного выбора отношения как к своей, так и к боли другого человека, продуктивного и творческого переживания и выражения опыта боли.